

с минимальным участием медных (в партитуру включена лишь валторна). Каждая партия должна быть представлена только одним инструментом. Это аксиома, не требующая нового прочтения (тем более в условиях камерного театра). В новой постановке по непонятным (с точки зрения баланса звучания) причинам оркестр Бриттена увеличился почти вдвое, оставив в стороне требующуюся рафинированность и чистоту линий. Адекватного отношения к бриттеновскому музыкальному слову и интонации в представлении певцов российских театров, видимо, еще не сложилось, как не сложилось привычки петь английские оперы на языке оригинала. Ярче всех была сыграна и спета трагедия Лукреции Еленой Еремеевой, оказавшейся практически одинокой, так как окружающие ее мужчины позиционировали себя сценически равнодушно.

Начало положено: в потоке постановок Пуччини и Римского, Верди и Чайковского музыка Бриттена — глоток свежего воздуха. Понятно, что много времени пройдет, и уйма творческих сил будет потрачена на то, чтобы и театральный Бриттен прижился на петербургской сцене, ведь музыка того стоит.

Ольга Чумикова

**Свято место
бывает
пусто...
или
Свято место
пусто не бывает?**

Первого апреля петербургская Консерватория публично попрощалась со своим концертным органом. Однако прощание странным образом рифмовалось с недавним открытием органа в Большом зале Филармонии.

Органная история нашего города богата не только интересными сюжетами, но и непроверенными фактами, нераспутанными интригами и досужими разговорами. Каждый инструмент Петербурга напоминает персонаж романа (повести, рассказа, детектива et cetera) со своим сложным и неповторимым характером, своими комплексами, болезнями и привычками. В биографиях конкретных инструментов можно обнаружить не только переклички между отдельными фактами, но и другие «рифмы».

Какова, однако, органная диспозиция в нашем городе на сегодняшний день? Где в Санкт-Петербурге можно услышать звучание инструмента? Разумеется, новый орган Филармонии претендует на то, чтобы называться инструментом номер один, поскольку достойной, очевидной звучащей альтернативы ему нет: орган Капеллы все еще пребывает в ремонте, а положение церковных органов незавидное. Церковь Св. Петра на Невском проспекте располагает лишь небольшим учебным инструментом, который явно не может использоваться как концертный. Только пара церквей в Петербурге имеют в своем распоряжении органы, более или менее вписанные в концертную жизнь города. Это орган фирмы «Sauer» церкви Св. Екатерины на Васильевском острове, состояние которого поддерживается на средства слушателей регулярных благотворительных концертов, и орган Римско-Католического собора Успения Пресвятой Девы Марии на 1-й Красноармейской улице, который (в силу своей романтической направленности) подходит лишь для ограниченной части обширного органного репертуара. Орган Римско-Католической церкви на Ковенском продолжает агонизировать, а некоторые, весьма крупные церкви, вообще не располагают какими-либо инструментами, богослужения в них проходят под аккомпанемент синтезатора или пианолы. Таким образом, у Консерватории появился реальный шанс заполнить образовавшуюся лакуну, и забить символический «гол престижа» Филармонии, орган которой вызывает далеко не легкое недоумение. Свято место пусто не бывает?

Староновогодний концерт в Филармонии и первоапрельский в Консерватории «рифмовались» уже на уровне абсурдно выбранных дат. Сами виновники событий — органы — родом из одной семьи: у них не только общий отец — немецкая органостроительная фирма «Walcker», но и общий опекун — фирма «Rieger-Kloss» (Чехия), проводившая реставрацию одного и замену другого. Оба инструмента — призраки прошлого, голоса которых полузабыты или забыты вовсе. И все, что с ними происходит (как, впрочем, и с любыми другими органами города) вызывает ажиотаж и интерес, в последнее время нездоровий. Акции компании под условным названием «органная культура в нашем городе» растут в цене.

Глубокое наблюдение Новалиса — «*Нет ничего более поэтического, чем переменчивость и смесь разнородного*» — 13 января в Большом зале Филармонии себя не оправдало. Это было не поэтическое, а политическое событие, так что музыканту следовало бы сложить оружие и поспешно ретироваться. Под аккомпанемент нового, подаренного немецкой стороной органа, прошла встреча глав двух государств — Германии и России. Основной «лейтмотив» январской встречи легко прочитывался в самой идее концерта и выглядел следующим образом: сотрудничество Германии и России, диалог двух культур, обремененных чувством вины по отношению друг к другу, особенно в год 60-летия Победы.

Музыкальная составляющаяянварской встречи была явно побочной, и потому могла хоть как-то оправдать ту «смесь разнородного», которая имела место быть в Большом зале. Сам орган, подсвеченный мертвенно-голубым, каким-то откровенно больничным светом прожекторов, и холодными вспышками фотоаппаратов казался неестественным. Сразу после стро-

гой ре-минорной Токкеты И.С. Баха за сценой зазвучали военные трубы — резким контрастом и несоответствием, мгновенно профанировав еще не успевшую отзнечать музыку. Само сочетание органа — как музыки, так и внешнего облика инструмента — с военной формой вышедших на сцену трубачей в своей нелепости напоминало выходы петровцев в «Хованщине» Мусоргского. «Полистиlistика» все оправдывает, «винегрет» — нет.

Клавирная прелюдия C-dur И.С. Баха, в которую Гуно вплел удивительную по красоте и простоте вокальную линию — так, что родилось новое произведение, — прозвучала лишь фонограммой к Гуно, «минусовкой». Оставалось только позавидовать мужеству Ольги Бородиной — несмотря на все усилия органиста, ей удалось не запутаться в той ритмической паутине, которой оплетал ее пение аккомпанемент органа. Мысли о соседстве в нерасторжимом единстве (мелодии и сопровождения, солиста и аккомпаниатора) развеял последний аккорд, выросший неожиданно, как гриб после дождя.

Пассакалия Кушнарева — при всей своей мрачности — больше других произведений программы попала в точку. Жанр пассакалии — и как размышление о немецкой музыке, но и как странная иллюстрация к контексту концерта, напоминающая об ужасах войны. Парадокс же заключается в том, что Пассакалия была сочинена задолго до войны (как и Пассакалия Шостаковича). Однако темный, мрачный голос органа, казалось, убеждал в обратном, а мерцающий, ускользающий звук, заводящий поначалу в глухие дебри, таил силу и мощь.

Импровизации Петера Планявски (Австрия) на две темы — русскую и немецкую — символически напомнили о диалоге двух культур еще раз. Впрочем, сама техника импровизации иллюстрировала это наглядно — не только в простом соединении двух разнохарактерных тем, но и в метаморфозах русской темы (хорошо известной «Вдоль по Питерской»), — вплоть до превращения ее в хорал наподобие протестантского.

Естественно, что биография «виновника» торжества оказалась представленной в наилучшем виде. Короткий ликбез Святослава Бэлзы — и тот оказался со смещением акцента. Непосвященные слушатели узнали, что доктор Отт заказывал инструмент прежде всего в концертных (а не медицинских) целях, что орган Филармонии «единственный орган Валькера в Петербурге». Но действительно ли он «валькеровский»? В Капелле на ремонте находится более «валькеровский» инструмент, чем новый орган Большого зала, который — согласно оригинальному проекту — изначально был рассчитан на другое помещение, иные акустические условия (зал клиники Отта). Есть в Петербурге еще один инструмент фирмы «Walcker», про который не следует забывать. Это небольшой орган Римско-Католической церкви на Ковенском переулке, который может, в случае грамотной и своевременной реставрации, дать представление о фирме «Walcker» периода 1900-1910 годов.

Новый орган Большого зала — это скорее метафора инструмента, чем инструмент, орган об органе. Инструмент, потерявший былое очарование и обаяние, стал какой-то бесполый и бесплотный, и не случайно на концерте в Большом зале в переводе на немецкий язык орган (*die Orgel*) неожиданно оказался

der König вместо *die Königin*. Звук органа — плавкий, как олово, и в соединении с особенностями акустики образует некую пелену, обволакивающую, как туман. Любая музыка на нем звучит одинаково невыразительно и анемично, «переливы знакомых созвучий» мертвые.

Усиление инструмента, сделанное немецкой фирмой «Kleis» — добавление нескольких новых регистров — не спасло положения: орган, по сути, так и остался «утоплен» в каменном мешке стены, а потому звучит довольно приглушенно (если не сказать задавленно). Подобное акустическое «недоразумение» кажется странным — ведь *новый* инструмент (а орган Филармонии по сути им и является) всегда строится под параметры конкретного помещения, ошибки здесь исключены.

Напротив, в Консерватории первого апреля все казалось поэтичным и излучающим обаяние. Ностальгический тон концерта, орган с легкой хрипотцой в голосе, мягко струящийся, шелковый звук, напоминавший шум морской раковины, и не раз повторенные слова молитвы «*Salve Regina*» — как перебор бусин на четках...

Сам инструмент предстал в двух ипостасях: солиста и аккомпаниатора. Два монолога обрамляли концерт-прощание, дважды орган аккомпанировал ансамблю. Голос инструмента растворялся в звучании ансамбля (как дополнительный обертон), придавая ему объемность и создавая особую ауру, необычный звуковой шлейф. Дважды — в «*Salve Regina*» Перголези и «*Salve Regina*» Шуберта — звучал только ансамбль и пел солист, без органного сопровождения. Однако у инструмента была еще и третья ипостась — роль молчаливого получателя подарков. Орган смиренно принимал свои *hostias et preces* от служителей Святой Цецилии — музыкантов. Прощальная тематика концерта оказалась выдержанной строго — от страстного хорала «*Herzlich tut mich verlangen*», от просветленной молитвы «*Salve Regina*», но все же входящей в поминальный чин католической мессы, до щемящего *Adagio* концерта Марчелло.

Год был объявлен траурным. Однако верных любителей органной музыки ожидают по меньшей мере три траурных года — до установки нового инструмента или ремонта уже имеющегося. Три года — срок невеликий, особенно для искушенного петербургского слушателя, которому не привыкать, если вспомнить, сколько черных дней ждали они хотя бы этого момента. День рождения нового (старого?) органа запланирован на 2008 год — юбилейный в органной истории Петербурга, год 300-летия появления первого органа в России.

Маленький штрих. Энтузиасты, решившие оказать денежное содействие в благородном деле — строительстве нового инструмента для Консерватории — неожиданно для себя оказались «не у дел», поскольку банковского счета проекта (насколько известно) до сих пор не существует. Возникает вопрос — зачем были приглашены представители ведущих органостроительных фирм Европы, среди которых «Eule» и «Schuke»? Зачем понадобилось столь спешное *публичное* прощание с инструментом, когда он и так молчит уже лет десять? Ответ Консерватории Филармонии или поиски альтернативы?

P. S. Свято место бывает пусто?